

И прихожан мошна опустошалась,
Сказав «аминь», он шел в другой приход,
Там обирать доверчивый народ.
И, рясу подоткнув, взяв сумку, посох,
Не разбирая, сыты или босы
Хозяева, стучался в каждый дом,
Выпрашивал обед, сыр, эль и ром.
Другой монах нес посох и таблички ²⁰¹
Слоновой кости; он имел привычку
Записывать дары и всех людей,
Что заслужили щедростью своей
Его молитвы. Воскликнул он громко:
«О братия! Пуста еще котомка!
Пшеницы бушель, рис, зеленый лук,
Пирог, иль окорок, иль сыра круг -
Все примем мы, и по цене, по весу, -
За пенни – свечку и за шиллинг – мессу
Получите взамен. Драгие леди!
Коль нету под рукой монет иль снеди,
Мы примем шерсти куль или моток,
Иль полотно, иль вязаный платок.
Сестра драгая, вписываю имя,
Не умаляйтесь вы перед другими».
И на спине широкой, богатырской
Нес здоровенный служка монастырский
Пустой мешок и наполнял его
Добычею патрона своего.
И только что из двери выходили,
Как имена, начертанные стилем,
Монах проворно затирал ножом
И в следующий направлялся дом.
«Ложь, пристав, ложь!» – брат сборщик завопил.
Хозяин сборщика остановил:
«Спокойно, друг, ну что за восклицанья!
Не трусь, монах, не обращай вниманья».
«Так я и сделаю», – тот отвечал
И, не смущаясь, тут же продолжал:
«И бот пришел сей недостойный брат
В дом, где его радушной во сто крат,
Чем у других хозяев, привечали.
Но в этот раз хозяин был печален.
К одру болезни он прикован был.
«Ние Deus ²⁰², – брат умильно возгласил. -
Друг Томас, мир тебе! Давно ль ты болен?
Уж так-то я всегда тобой доволен!
Всласть попили за этим мы столом!»
И с лавки он кота смахнул перстом,
Жезл положил, и шляпу, и мешок
И занял сам привычный уголок;
А спутников послал вперед он в город,

²⁰¹ *Таблички* – дощечки из слоновой кости с нанесенным на них слоем воска. Писали на них, выводя буквы острой палочкой – стилем, и заглаживали ранее написанное ножом.

²⁰² Бог да пребудет [с вами] (*лат.*)